

находится мебель и разные предметы домашнего обихода. Коммуникатор получает макет, где мебель каким-то образом уже расположена, например есть стол, на нем скатерть, на столе ваза с цветами, на стене висит картина и проч. Реципиент располагает таким же макетом, но в нем мебель и прочие предметы не расставлены. Задача реципиента — расставить все так, как это сделано в макете коммуникатора, на основе его жестового рассказа о взаимном расположении предметов в пространстве макета. При этом, как бы коммуникатор ни строил свой рассказ, ему придется в той или иной форме выразить, где именно по отношению к стенам и другим предметам мебели стоит стол, указать, что скатерть на нем, а цветы в вазе, т. е. передать смыслы, указывающие на взаимное расположение объектов. Экспериментатор тем самым получит «текст» на жестовом языке, где будут выражены именно те отношения между предметами, которые он намерен изучать. Обширная серия таких экспериментов была проведена Г. Л. Зайцевой [см. 3]. Было показано, что даже при большой сложности макета передача пространственных отношений между объектами с помощью жестового языка обеспечивает правильную трансляцию нужных смыслов: получатель сообщения правильно восстанавливает макет.

Мы видим тем самым, что жестовый язык вполне обеспечивает социальную коммуникацию в достаточно сложных условиях. Этого и следовало ожидать: любая символическая система, предназначенная для коммуникации, если она не обеспечивает адекватной передачи смыслов, должна или видоизмениться в процессе своего функционирования, или попросту распастыся. Изучение жестового языка как средства социализации глухого индивида представляет нам редкостную возможность участвовать в эксперименте, трагическом по своей сути, поставленном самой природой. То, что для развития мышления символическая система необходима, было показано еще И. А. Соколянским. Как известно, слепоглухие дети не могли реализовать даже таких возможностей homo sapiens, как способность к прямохождению (не говоря уже об интеллектуальном развитии), пока педагог не обеспечивал им хоть какой-нибудь канал для социально значимой коммуникации. В случае слепоглухонемых — это прежде всего канал тактильных ощущений. Максимальное использование такой специальной символической системы, созданной И. А. Соколянским, обеспечивало его воспитанникам полноценное развитие мышления.

Итак, символическая система не задана биологически, она возникает лишь благодаря социуму и социальной коммуникации; в процессе этой коммуникации и формируется нормальное мышление. Ниже мы рассмотрим ситуации, когда нарушение связей с социумом результирует в дефицитность мышления и коммуникативных процессов.

2. Коммуникативные процессы у лиц с отклонениями от нормы

«Патология мысли» больных психозом и обусловленные ею виды «патологии слова» весьма разнообразны. Нас будет интересовать только тот аспект «патологии слова», который связан с нарушением коммуникативных процессов у больных психозом. В основе таких нарушений лежит аутизация больных — глубокое нарушение связи «я — социум». В результате этого значительно ослабляется требование социальной направленности коммуникации и социальной приемлемости тех форм, в которых она реализуется. Но ведь и в норме можно наблюдать разную степень социальной направленности коммуникации и разную степень авторедактуры сообщения. При одной коммуникативной установке, например, при включенности ситуации в контекст, т. е. при «конситуативности» [см. 5], достаточно очень свернутого по форме высказывания, почти